

DOI: 10.56429/2414-4894-2024-49-3-85-102

Стригунов Константин Сергеевич
канд. полит. наук, старший научный сотрудник
АНО дополнительного профессионального образования
«Академия политических наук».
Москва, ул. Свободы, д. 91, к. 2, оф. 9
sks6891@gmail.com

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИРРЕГУЛЯРНОЙ ВОЙНЫ
В КОЛУМБИИ В НЕКЛАССИЧЕСКУЮ ВОЙНУ
В ФОРМЕ КРИМИНАЛЬНОГО МЯТЕЖА**
(часть 1: Фрагментация и организационное усложнение
колумбийских преступных организаций)

Strigunov Konstantin S.
Candidate of Political Sciences, Senior Researcher,
ANO of additional professional education
“Academy of Political Sciences”.
Moscow, Svobody st., 91/2, of. 9
sks6891@gmail.com

**TRANSFORMATION OF IRREGULAR WAR
IN COLOMBIA INTO A NON-CLASSICAL WAR
IN THE FORM OF CRIMINAL-INSURGENCY**
(part 1: Fragmentation and organizational complexity
of Colombian criminal organizations)

Аннотация. В статье выдвинута гипотеза о том, что внутренний вооруженный конфликт в Колумбии, который изначально велся в форме иррегулярной войны, в последние годы трансформировался в неклассическую войну в форме криминального мятежа. В криминальном мятеже государству противостоят негосударственные насильственные акторы, прежде всего высококоразвитые преступные организации, которые де-факто преследуют политические цели при достижении достаточно высокого эволюционного уровня. Цель статьи — показать трансформацию иррегулярной войны в Колумбии в неклассическую войну в форме криминального мятежа. Установлено, что многие колумбийские негосударственные насильственные акторы, включая герилью и ультраправые военизированные формирования, практически за-

вершили свою криминализацию, утратив политическую и идеологическую мотивацию. Вместе с другими преступными организациями они фрагментируются и усложняются, по ряду признаков соответствуя бандам третьего поколения и частично картелям третьей фазы. Выявлено, что значимым фактором фрагментации колумбийских партизанских и ультраправых военизированных организаций является их демобилизация. Возникновение преступных организаций также обусловлено фрагментацией существовавших ранее Медельинского картеля и картеля Кали. Сделан вывод о том, что фрагментированные партизанские организации и ультраправые военизированные группировки, в последующем трансформировавшиеся в преступные организации, наравне с высокоорганизованными бандами в состоянии достигать или стремиться достичь политических целей, в том числе через контроль над отдельными территориями государства.

Ключевые слова: Колумбия, внутренний вооруженный конфликт, неклассические войны, криминальный мятеж, иррегулярная война, негосударственные насильственные акторы, преступные организации, фрагментация, сетевизация.

Abstract. The article hypothesizes that the internal armed conflict in Colombia which was initially waged in the form of an irregular war has in recent years transformed into a non-classical war in the form of a criminal insurgency. In a criminal insurgency the state is opposed by non-state violent actors primarily highly developed criminal organizations that de facto pursue political goals when they reach a sufficiently high evolutionary level. The aim of the article is to show the transformation of irregular war in Colombia into non-classical war in the form of criminal insurgency. It has been established that many Colombian non-state violent actors including guerrillas and far-right paramilitary groups have almost completed their criminalization having lost their political and ideological motivation. Together with other criminal organizations they are fragmenting and becoming more complex corresponding to a signs of third-generation gangs and partly third-generation cartels. It has been revealed that a significant factor in the fragmentation of Colombian guerrilla and far-right paramilitary organizations is their demobilization. The emergence of criminal organizations is also due to the fragmentation of the pre-existing Medellin Cartel and Cali Cartel. It is concluded that fragmented guerrilla organizations and far-right paramilitary groups which subsequently transformed into criminal organizations along with highly organized gangs are able to achieve or strive to achieve political goals including through control over certain territories of the state.

Key words: Colombia, internal armed conflict, non-classical wars, criminal insurgency, irregular war, non-state violent actors, criminal organizations, fragmentation, networkization.

Рост влияния негосударственных акторов в международных отношениях и внутри государств проявляется по-разному — от деятельности гигантских транснациональных корпораций до некоммерческих и неправительственных организаций, активных на глобальном уровне. Отдельным видом негосударственных субъектов являются негосударственные насильственные акторы (НГНА), к которым относятся террористы, преступные организации (ПО), партизаны и повстанцы (военно-политические движения). Влияние и все большее распространение подобных

субъектов обусловлены разными факторами, среди которых следует выделить глобализацию, революцию в информационно-коммуникационных технологиях, организационное усложнение НГНА, что, в частности, связано с необходимостью охватывать рынки нелегальных товаров в глобальном масштабе. Сюда относятся наркопроизводство и наркотрафик, бурный рост которых фиксируется приблизительно с конца 1970-х — начала 1980-х гг. Это сказывается на возникновении вооруженных конфликтов, длящихся порой десятилетиями. Регион Латинской Америки служит тому примером.

Другим важным фактором является появление у акторов возможностей достигать военно-политического результата, в ряде случаев сопоставимого с результатом, достигаемым в классическом вооруженном конфликте (войне), а также появление у негосударственных субъектов потенциала оспаривать у государства монополию на применение насилия на части его территории. Речь идет о неклассических войнах — вооруженных конфликтах, в которых основная ставка при достижении военно-политического результата делается на неинтервенционные элементы насильственного контроля, к которым относятся информационно-психологические операции, кибератаки, экономические санкции, диверсии и теракты, а также применение сетевых групп [2]. Наибольший интерес для данного исследования представляют неклассические войны, в которых ключевым элементом являются группы иррегулярных военизированных формирований, организованных преимущественно по сетевому принципу (сетевые группы). К таким субъектам относятся НГНА, включая высокоорганизованные ПО. Таким образом, в подобных неклассических войнах ПО в состоянии лишить государство монополии на применение насилия на части его территории, если они достигают высокого уровня организации.

Одной из форм неклассических войн является криминальный мятеж, под которым мы понимаем механизм конфронтации с государством, возникающий, когда отношения между организованной преступностью и государством выходят из равновесия, а вместе с этим он представляет собой вызов государствам [7]. Важное отличие криминального мятежа от традиционного вооруженного противостояния между государством и инсургентами (террористами, повстанцами) состоит в том, что негосударственные субъекты криминального мятежа изначально не имеют политической или идеологической мотивации и либо эволюционируют в высокоорганизованные ПО из примитивных банд, либо возникают из демобилизованных боевиков герильи, отрядов самообороны или остатков крупных вертикально-интегрированных ПО типа ранних форм картелей. При этом такие ПО в состоянии де-факто достигать политических целей или стремятся их достичь, даже если никак не формулируют и не декларируют их, например, устанавливая силовой контроль над районами городов, провинций, штатов или департаментов, а также замещая на подконтрольных им территориях государство не только физически,

но и социально, например через предоставление гуманитарной помощи населению.

Криминальный мятеж мы отличаем от иррегулярной войны, под которой понимается форма войны, где государства и негосударственные субъекты проводят кампании с целью заверить или принудить государства или другие группы посредством косвенных, не приписываемых или асимметричных действий в качестве основного подхода или в сочетании с конвенциональной войной, при этом иррегулярная война не ограничивается силами специальных операций, а ее операционная среда включает в себя все домены и информационную среду [11]. Неклассическая война в форме криминального мятежа возникает при изначально неполитической мотивации НГНА как стороны противоборства, что отличает ее генезис от иррегулярных войн. Однако, как уже было отмечено, в процессе эволюции подобные ПО способны достичь такого уровня сложности, что оказываются в состоянии де-факто достигать локальных политических целей, а значит, приобретают признаки инсургентов (политически/идеологически мотивированных НГНА), даже если к этому не стремятся.

Мы полагаем, что в Колумбии длящийся десятилетиями внутренний вооруженный конфликт в форме иррегулярной войны трансформируется в неклассическую войну в форме криминального мятежа, основными негосударственными участниками которого являются либо ПО, полностью или частично достигшие уровня банд третьего поколения, согласно схеме Дж. Салливана [31], либо высокоорганизованные ПО, в которые выродилась часть герилы и бывших ультраправых вооруженных формирований, соответствующих некоторыми признакам банд третьего поколения. Эти НГНА по большей части не имеют политической/идеологической мотивации, но способны фактически достигать политических целей или стремиться их достичь, поскольку в состоянии осуществлять контроль над частью территории страны, тем самым оспаривая там власть государства. В этом состоит схожесть неклассических войн в форме криминального мятежа с иррегулярными войнами, так как в обоих случаях отмечается способность НГНА к контролю над частью территории государства.

Цель данной работы — показать, что внутренний вооруженный конфликт в Колумбии из иррегулярной войны трансформируется в неклассическую войну в форме криминального мятежа. Задачи исследования — показать, что:

- демобилизация НГНА и ликвидация их лидеров ведет к фрагментации этих субъектов, способствуя их организационному усложнению;
- происходит криминализация изначально политически мотивированных НГНА;
- возникают высокоразвитые ПО, являющиеся негосударственными субъектами криминального мятежа как формы неклассических войн.

Методологическая база исследования основана, в частности, на работах Р. Банкера и Дж. Салливана, посвященных изучению картелей и

банд [6]. Согласно этим авторам, существуют три картельные фазы (третья — гипотетическая). Первая — вертикально-интегрированная модель картеля типа Медельинского — отличается высокой агрессивностью и в состоянии оспаривать власть государства на некоторых его территориях. Вторая фаза — модель картеля Кали, который был более децентрализованным и полагался на анонимность, нежели на прямое противостояние государству. Основной подход такого картеля — кооптация чиновников и представителей силовых структур, коррупция и т.п. Картели третьей фазы — гипотетические, относятся Банкером и Салливаном к преемнику преступного государства. Если и когда картели третьей фазы появятся, они потенциально могут стать серьезной угрозой современному национальному государству и его институтам. Картель третьей фазы является следствием непрекращающейся коррупции и кооптации государственных институтов, действующих как государственное или переходное образование, по сути — «преступное государство-преемник» [6]. Как отмечает Дж. Салливан, в Колумбии и Мексике существуют не контролируемые государством внутренние регионы, образующие сетевые «анклавы», или картели третьей фазы, обладающие схожими характеристиками, способные стать доминирующими действующими акторами в сети транснациональных преступных организаций [33].

Кроме того, Салливаном были классифицированы банды, которые также разделены на три поколения [31]. Первое поколение — мелкие уличные банды, ориентирующиеся на сферу влияния; они контролируют территорию и не ставят политических целей. Второе поколение — банды, занимающиеся преступным бизнесом, прежде всего наркоторговлей. Масштаб их активности шире — несколько государств или регионов. Они обладают централизованным лидерством, защищают рынок, изощренны в своих действиях. Банды третьего поколения преследуют политические цели, действуя (или стремясь действовать) в глобальном масштабе, используя свои возросшие возможности для установления контроля над территориями (районами городов, провинций, штатов, департаментов), приобретая финансовые средства и участвуя в деятельности наемнического типа. На сегодняшний день большинство банд третьего поколения носят преимущественно наемнический характер и в некоторых случаях стремятся достичь своих собственных политических и социальных целей.

Для описания колумбийских НГНА мы используем классификацию, основанную на директиве 15 Министерства национальной обороны Колумбии от 22 апреля 2016 г. [13], официальной классификации колумбийской полиции [27] и отчете Института исследований развития и мира (Instituto de estudios para el desarrollo y la paz) [26]. Согласно этим источникам, колумбийское правительство выделяет из организаций, известных как преступные банды (Bandas Criminales, BACRIM¹), несколько групп,

¹ BACRIM возникли из боевиков бывших «Объединенных сил самообороны Колумбии» (Autodefensas Unidas de Colombia, AUC), которые не согласились участвовать в демобилизации или возобновили вооруженную борьбу впоследствии.

которые в ряде случаев достигли уровня организованных вооруженных групп (Grupo Armado Organizado, GAO), к которым относят, в частности, «Гайтанистские силы самообороны Колумбии» (Autodefensas Gaitanistas de Colombia, AGC), «Лос Пелусос» (Los Pelusos) и «Лос Пунтильерос» (Los Puntilleros). Отдельно выделяют остаточные организованные вооруженные группы (Grupos Armados Organizados Residuales, GAOR), к которым относят остатки леворадикальной организации «Революционные вооруженные силы Колумбии — Народная армия» (Las Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia — Ejército del Pueblo, FARC—EP), состоящие, как показано в работе [15], из диссидентов FARC—EP (Disidencias de las FARC—EP, далее — FARC-D). Полиция также выделяет организованную вооруженную группу вне закона (Grupo Armado Organizado al Margen de la Ley, GAOML), к которой причисляет Армию национального освобождения (Ejército de Liberación Nacional, ELN). Группы GAOML, GAO и GAOR относятся к структурам типа А.

К структурам типа В относят организованные преступные группы (Grupo Delictivo Organizado, GDO), например, «Лос Паченкас» (Los Pachencas) и «Лос Растрохос» (Los Rastrojos).

К структурам типа С относят организованные преступные группы, совершающие общеуголовные преступления (Grupo de Delincuencia Común Organizada, GDCO) по типу группировок «Лос Шотас» (Los Shotas) и «Спартанцев» (Los Espartanos). GDCO — это группы из трех и более человек, существующие в течение определенного времени и действующие согласованно с целью совершения одного или нескольких преступлений, затрагивающих безопасность и существование граждан. Они действуют локально, также обслуживая структуры типа А и В.

Таким образом, эти НГНА делятся на политически/идеологически мотивированные (хотя бы на уровне деклараций) субъекты и субъекты с изначально экономической мотивацией (извлечение прибыли незаконными путями). Однако некоторые акторы могут претерпевать трансформацию. Например, остатки бывшей FARC—EP или бывшей AUC превратились в военизированные ПО.

В неклассических войнах, в которых основной акцент делается на формировании, организованные сетевым образом, государство подвергается деструктивному воздействию со стороны других государств, которые для этого используют негосударственных акторов, в том числе создаваемых внутри государства. В криминальном мятеже субъектом выступает не только государство, но и ПО, относимые к НГНА, изначально образующиеся без политической мотивации, причем эти внутренние негосударственные субъекты оказываются способными самостоятельно оспаривать территории государства, создавая угрозу для его национальной безопасности.

При достижении достаточного высокого эволюционного уровня, полностью или частично соответствующего картелям третьей фазы и банд третьего поколения, ПО становятся де-факто политическими субъек-

тами и выступают в качестве стороны внутреннего вооруженного конфликта, на наличие которого в Колумбии указывают два ключевых критерия. Первый — уровень насилия превышает порог идентификации внутреннего вооруженного конфликта. Второй — у НГНА и конкретно ПО имеется организация, позволяющая им длительное время противостоять государству.

Достижению ПО довольно высокого эволюционного уровня способствует ряд факторов. К ним относится фрагментация ПО, обусловленная демобилизацией боевиков НГНА с политической мотивацией (типа FARC—EP), ликвидация или аресты главарей крупных ПО типа картелей. В результате происходит распад ранее единой командно-контрольной структуры, на месте которой возникает множество ПО, которые вступают между собой в альянсы или, напротив, противостоят друг другу. На месте вертикально-иерархических появляются децентрализованные ПО с выраженной сетевой формой организации (процесс сетевизации). Такие организационные изменения повышают адаптивность ПО к контрмерам государства и его ведомств, тем самым способствуя поддержанию внутреннего вооруженного конфликта, трансформируясь из иррегулярной войны в неклассическую войну в форме криминального мятежа.

Соответствие ситуации в Колумбии внутреннему вооруженному конфликту

Борьба силовых структур с организованной преступностью, способной оспаривать власть государства в некоторых его регионах, может считаться внутренним вооруженным конфликтом, достигшим уровня войны, если это отвечает ряду критериев. Так, поскольку число жертв в ходе вооруженного противостояния между государством и НГНА (особенно GAOML, GAO, GAOR) в период с 2016 по 2023 г. находилось в диапазоне 12 164—13 953 человек в год (максимум пришелся на 2020 г.) [22], то, следовательно, это отвечает признакам внутреннего вооруженного конфликта, достигшего уровня войны, так как, согласно классификации Уппсальской программы подобных конфликтов, ежегодная гибель участников конфликта и гражданских лиц превышает 1000 человек в год [34].

Для идентификации внутреннего вооруженного конфликта в Колумбии ситуация должна достичь минимального порогового уровня интенсивности, установленного в ст. 1 (п. 2) второго Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям [1]. Его достижение возможно, например, когда правительство вынуждено использовать военную силу, а не просто полицейских [23]. В Колумбии правительство применяет части и подразделения вооруженных сил против высокоразвитых ПО, будь то фрагментированные группы, возникшие после демобилизации гериллы, ультраправые группировки или высокоорганизованные банды, образовавшиеся после распада картелей. Поэтому неклассическая война в форме криминального мятежа в Колумбии отвечает признакам внутрен-

него вооруженного конфликта, достигшего уровня войны. Колумбийские криминализировавшиеся НГНА обладают командной структурой, а значит, отвечают еще одному критерию внутреннего вооруженного конфликта — наличию организации сторон конфликта [24].

Демобилизация и фрагментация как факторы криминализации и эволюции НГНА в Колумбии

В Колумбии на протяжении десятилетий идет внутренний вооруженный конфликт, усугубляемый катастрофическим ростом криминала. Так, местные ПО постепенно уходят от картельных форм первой и второй фаз, а на их месте появляются специфические децентрализованные синдикаты, слабо напоминающие своих предшественников. Более того, имеет место конвергенция угроз, когда фиксируется сближение интересов и отношений между террористическими организациями, незаконным оборотом наркотиков и повстанческими движениями, чьи способности к адаптации, диверсификации и сетевым действиям позволяют им иметь глобальный охват, нарушающий суверенитет и стабильность государств и международной системы [9]. Одна из ключевых причин этого — незаконный оборот наркотиков, ставящий под угрозу способность государств его контролировать и способствующий потере суверенитета, которую предполагает процесс глобализации [5]. С упадком старых поколений торговцев наркотиками, в Колумбии возникли ПО, часть из которых вступали в соперничество между собой, что сопровождалось ростом насилия. Другие, отдавая приоритет своим экономическим интересам, заключили соглашения с повстанческими, террористическими и криминальными организациями в Западном полушарии и за его пределами. Тем самым был сконфигурирован феномен конвергенции, понимаемый как союз между повстанцами, терроризмом и организованной преступностью, которые образуют сети и разделяют интересы, тактику и процедуры, развертывают свою деятельность в регионах, где длительное время сохраняются условия для конфликтов, наконец, развиваются, становясь все более сложными и способными дестабилизировать государства [18].

Внутренний вооруженный конфликт в Колумбии, изначально проходивший в форме иррегулярной войны между государством и инсургентами, стал трансформироваться в неклассическую войну в форме криминального мятежа, отличающегося от своих аналогов в других странах, а именно активной криминализацией герильи и ультраправых военизированных формирований, которые претерпели существенные изменения.

К одним из важных изменений в изначально повстанческих организациях в Колумбии относятся глубокие организационные преобразования, в некоторых случаях приводящие к радикальной трансформации этих НГНА. Примером этому является FARC—EP, которая изначально считалась террористической организацией, однако впоследствии была

признана ее политическая составляющая. Это позволило начать переговоры и подписать в 2016 г. мирное соглашение [4]. Когда FARC—EP в 2017 г. передала последнее вооружение представителям ООН, правительство Колумбии объявило об официальном прекращении конфликта. После этого организация трансформировалась в политическую партию², что было предусмотрено мирным соглашением, по которому ей было предоставлено десять мест в законодательном органе Колумбии (по пять мест в верхней и нижней палатах Конгресса в течение двух legislatur). Несмотря на то что администрация во главе с президентом И. Дуке Маркесом была против мирного соглашения, его положения частично выполнялись. Однако этого оказалось недостаточно для недопущения возобновления насилия и внутреннего вооруженного конфликта, что проявилось в убийствах экс-боевиков FARC—EP. Например, согласно отчету «Замалчивание правды. Диагностика моделей смертельного насилия, от которых страдают бывшие комбатанты FARC—EP в Колумбии (2017—2020)», Группой расследования и уголовного преследования Специальной юрисдикции по вопросам мира (La Unidad de Investigación y Acusación de la Jurisdicción Especial para la Paz) с помощью статистической модели экспоненциального сглаживания³ было установлено, что если тенденция убийств бывших комбатантов останется такой же, как и с февраля 2017 по 2020 г., то в конце 2024 г. число жертв насильственной смерти из числа демобилизованных боевиков FARC—EP достигнет 1600 человек, или около 12% от общего числа экс-комбатантов [3, 30]. Несмотря на то что правительство И. Дуке Маркеса утверждало, будто демобилизованных экс-комбатантов убивают их бывшие коллеги, Конституционный суд Колумбии заявил, что имеет место массовое нарушение мирного соглашения, когда, в частности, были задокументированы нарушения в плане гарантий безопасности бывшим членам FARC—EP при их возвращении к гражданской жизни [29]. Это привело к тому, что некоторые боевики возобновили свою вооруженную борьбу. Отметим также отсутствие поддержки демобилизации всеми участниками FARC—EP еще до подписания соглашений.

Возникшие FARC-D представляют собой скорее федерацию групп с разной степенью связанности и большой автономией в своей деятельности на территориальном уровне. Руководящему органу группировки, который называется «Центральный генеральный штаб» (Estado Mayor Central, EMC), удалось объединить 27 из примерно 40 диссидентских структур в пять блоков [16]. Фактически образовались децентрализованные группировки, сохраняющие свою автономию.

² Первоначально партия называлась «Общая революционная альтернативная сила» (Fuerza Alternativa Revolucionaria del Común, FARC), а с 2021 г. переименована в «Общины» (Comunes).

³ Данный метод прогнозирования позволяет оценить число возможных случаев в будущем на основе анализа коротких временных рядов, в которых недавним результатам придается больший вес по сравнению с прошлыми результатами, и выявить тенденции в поведении переменной при условии, что факторы остаются прежними.

Пример FARC-D демонстрирует, что процесс демобилизации ведет к возникновению новых в значительной степени деидеологизированных организаций, чья активность направлена на территориальный контроль, наркопроизводство, нелегальную добычу полезных ископаемых и контрабанду. Возобновившие вооруженную борьбу комбатанты, отказавшиеся от мирного соглашения и разочаровавшиеся в государственной политике в отношении разоружившихся бойцов FARC—EP, возвращаются к тому, чем они занимались ранее, но уже с более выраженной криминальной ориентацией. Это ведет к фрагментации прежде единой организации, изначально стремившейся к изменению политического строя в Колумбии военным путем. Более того, EMC и независимые от него фронты в своей криминальной деятельности активно взаимодействуют с различными НГНА, особенно структурами типа А и В. Таким образом, произошло идеологическое разложение диссидентов. К примеру, боевики из EMC наравне с ELN и AGC передали на аутсорсинг некоторые свои операции преступным группировкам в департаменте Сесар (например, организациям класса GDCO) [17]. Вместе с тем следует отметить, что альянсы формально повстанческих организаций и ПО формировались еще до демобилизации части FARC—EP в 2016 г. [10]. После этого местные ПО усиливались через связи с деидеологизированными и обладающими значительным боевым опытом боевиками бывших партизанских организаций.

Как следствие, политика демобилизации боевиков FARC—EP привела к фрагментации этой организации, что отчасти сравнимо с эффектом стратегии обезглавливания картелей в Мексике, подробно описанной в [36], поскольку боевики, лишённые единого командования и возобновившие вооруженную борьбу, образуют формирования, у которых политические цели являются во многом декларативными. Основная их цель — извлекать прибыль через контроль наркопроизводства и территорий. Это приводит к специфической особенности в эволюции колумбийских НГНА, когда новообразованные организации имеют формально политическую цель, используют террористические методы, но в действительности занимаются криминальной деятельностью. Тем не менее подобные НГНА влияют на государство, контролируют часть его территории и этим подрывают его суверенитет, т.е. достигают или стремятся достичь политических целей де-факто — вне зависимости от того, декларируют они их или нет. Например, GAOR и GDO являются организациями, лишёнными идеологической составляющей, ориентированными на экономические цели, поэтому они действуют в сферах, связанных с нелегальной прибылью на взаимовыгодной основе [12].

Схожая ситуация и у группировок, возникших на месте ультраправых военизированных формирований AUC, созданных в 1980-х гг., когда наркобароны нанимали их боевиков для борьбы с похищениями людей и вымогательством со стороны герильи. После демобилизации AUC в 2003—2006 гг. возникшие на их месте фрагменты трансформировались в организованные преступные группы (BACRIM) [21]. Эти ПО расшири-

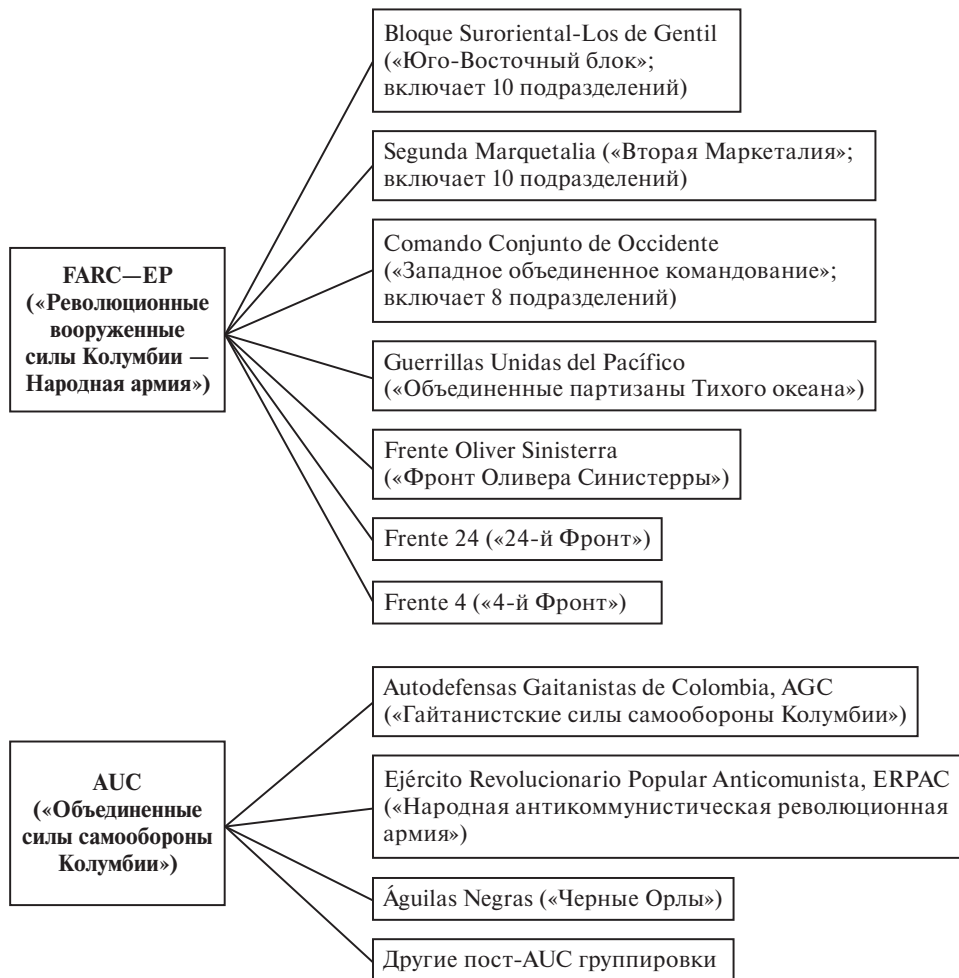
ли свою незаконную деятельность за пределы наркоторговли, занимаясь вымогательством, несанкционированной добычей полезных ископаемых, контрабандой, контролем проституции, торговлей людьми. В некоторых департаментах Колумбии члены BACRIM впоследствии присоединились к FARC-D или ELN, чтобы руководить организациями, принимающими участие в незаконном обороте наркотиков. Некоторые аналитики относят BACRIM к третьему поколению колумбийских организаций, занимающихся незаконным оборотом наркотиков [20] и другой нелегальной деятельностью⁴, относя картели Медельина и Кали к первому поколению, а ко второму поколению — федерации так называемых детских картелей (*carteles bebé*), которые, как правило, специализировались на определенных звеньях в цепочке наркоторговли [7]. Эволюционный уровень BACRIM отчасти соответствует бандам третьего поколения, согласно классификации Дж. Салливана [32].

Поскольку демобилизация AUC была лишь частичной, то средние звенья этих форирований с военизированными опорными пунктами сохранились, став резервуаром для формирования BACRIM [35]. Фактически эти пост-AUC военизированные формирования относятся к незаконным вооруженным организациям/НГНА, чьей главной целью является прибыль их лидеров и членов, которые также берут на себя функции общественного порядка и борьбы с левыми повстанцами, пока они необходимы для ведения их бизнеса [19]. Таким образом, неполная демобилизация AUC, недостаточная активность государства на территориях, ранее контролируемых этими формированиями, а также рост незаконного оборота наркотиков и незаконной добычи полезных ископаемых привели к образованию многочисленных и фрагментированных вооруженных группировок. Пост-AUC организации криминализировались, стремясь установить контроль над всей незаконной экономической деятельностью посредством насильственных действий и структур, организованных в форме компаний. BACRIM предлагают услуги по обеспечению безопасности поставок наркотиков или лабораторий и через насилие решают конфликты в политической и экономической сфере.

На рисунке показана фрагментация FARC—EP и AUC на новые структуры. Отметим, что многие члены этих организаций переходили друг к другу, передавая свой опыт, знания и связи новым организациям, куда они попадали.

В целом возникновение диссидентов после демобилизации герильи и еще раньше ультраправых военизированных группировок было практически неизбежно в силу ряда причин, начиная с идейного несогласия сложить оружие и заканчивая пониманием большей выгоды от интеграции с ПО или создания своих наркогруппировок. Учитывая опыт возникнове-

⁴ Исследователи аналитического центра InSight Crime отмечают, что BACRIM участвуют в широком спектре преступной деятельности: вымогательстве, добыче золота, микроторговле, азартных играх, контрабанде, торговле людьми, т.е. торговля наркотиками перестала быть единственным и, возможно, главным источником прибыли [25].

Фрагментация двух крупнейших колумбийских НГНА — FARC-EP («Революционные вооруженные силы Колумбии — Народная армия») и AUC («Объединенные силы самообороны Колумбии»)

ния диссидентов из бывшей FARC-EP, вовлеченных в торговлю наркотиками, некоторые исследователи полагают, что командиры ELN, выступающие против продолжающихся переговоров с правительством, также покинут организацию и сформируют новые диссидентские группы [8].

До демобилизации НГНА внутренний вооруженный конфликт в Колумбии имел признаки иррегулярной войны. Однако по мере криминализации инсургентов и усложнения образовавшихся на их месте ПО, внутренний вооруженный конфликт трансформировался и приобрел признаки неклассической войны в форме криминального мятежа. Противником государства в криминальном мятеже выступает прежде всего не внешний враг, будь то другое государство или экзогенные НГНА, а внутренний. Колумбийский случай специфичен тем, что государству

противостоят уже не столько изначально политические/идеологические организации, сколько их фрагменты, «пересобранные» в криминализованные субъекты, обладающие потенциалом устанавливать территориальный контроль. Наряду с ELN и другими НГНА (GAO, GAOR, GDO) они контролируют территории, наркопроизводство и наркологистику.

Достигнуть высокого уровня организации, согласно схеме Дж. Салливана (ПО, частично или полностью соответствующие признакам банд третьего поколения) или схеме Банкера—Салливана (ПО, частично соответствующие признакам картелей третьей фазы), группировкам FARC-D и BACRIM было проще, поскольку их участники являлись выходцами из высокоорганизованных НГНА, обладали военной и оперативной подготовкой. С другой стороны, организации, которые изначально формировались как ПО (банды) или образовывались на месте Медельинского картеля и картеля Кали, приобретали признаки банд второго или частично третьего поколения в течение длительного времени и в качестве субподрядчиков образовывали связь с группировками BACRIM или FARC-D.

Отметим, что возникновение криминальных мятежей в государствах может иметь разный генезис. Например, если в Колумбии криминальный мятеж трансформируется из иррегулярной войны, то в Мексике — криминальный мятеж возник вследствие колоссального усиления влияния наркосообществ типа Гвадалахарского картеля (Cártel de Guadalajara), а затем, после его распада, усиления его фрагментов — картеля Синалоа (Cártel de Sinaloa), Тихуанского картеля (Cártel de Tijuana) и др., а также параллельно возникавших банд и картелей, например картеля Нового поколения Халиско (Cártel de Jalisco Nueva Generación). Таким образом, в криминальных мятежах, вне зависимости от их генезиса, ключевой антигосударственной силой являются высокоразвитые ПО, имеющие признаки террористических и повстанческих групп или перенимающие их методы (так называемое присвоение деятельности [14, 28]), с преимущественно сетевой формой организации. Некоторые представители этих субъектов потенциально способны эволюционировать в картели третьей фазы, согласно схеме Банкера—Салливана. У этих субъектов могут отсутствовать какие-либо политические, идеологические или религиозные намерения и цели или они могут быть привержены им только декларативно, но де-факто они достигают или стремятся достичь политических целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол II) // Международный Комитет Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (дата обращения: 07.05.2024).

2. *Стригунов К.С.* Особенности современных неклассических войн: Формы, методы, технологии: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2023.

3. 249 exFarc han sido asesinados y más de 272 han reportado amenazas // Jurisdicción Especial para la Paz. URL: <https://www.jep.gov.co/Sala-de-Prensa/Pag>

nas/249-exFarc-han-sido-asesinados-y-m%C3%AIs-de-272-han-reportado-amenazas-.aspx (дата обращения: 07.01.2024).

4. Acuerdo Final para la Terminación del Conflicto y la Construcción de una Paz Estable y Duradera // La Jurisdicción Especial para la Paz. URL: https://www.jep.gov.co/Marco%20Normativo/Normativa_v2/01%20ACUERDOS/Texto-Nuevo-Acuerdo-Final.pdf?csf=1&e=0fpYA0 (дата обращения: 07.01.2024).

5. Análisis histórico del narcotráfico en Colombia. VIII Cátedra Anual de Historia “Ernesto Restrepo Tirado” // Museo Nacional de Colombia. URL: <https://www.museonacional.gov.co/imagenes/publicaciones/analisis-historico-del-narcotrafico-en-colombia.pdf> (дата обращения: 09.01.2024).

6. *Bunker R., Sullivan J.* Cartel Evolution: Potentials and Consequences // *Transnational Organized Crime*. 1998. Vol. 4, N 2. P. 5—74.

7. *Bustamante A.* Insurgencias criminales y guerra urbana en Latinoamérica: Una aproximación al proceso de urbanización regional y su impacto en la evolución táctica y operativa de las organizaciones criminales transnacionales // *Entretextos*. 2020. Vol. 12, N 35. P. 1—17.

8. *Chengiz M.* From Terrorist Organizations to Cocaine Groups in Colombia: Is ELN the Next? // *Small Wars Journal*. URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/terrorist-organizations-cocaine-groups-colombia-eln-next> (дата обращения: 09.01.2024).

9. *Convergence: Illicit networks and national security in the age of globalization* / Ed. by M. Miklaucic, J. Brewer. Washington: National Defense University Press, 2013.

10. *Cortés D.* Crimen transnacional organizado: Las Organizaciones del narcotráfico mexicano en Colombia: Los carteles mexicanos en Colombia // *Novum Jus*. 2020. Vol. 14, N 2. P. 123—146.

11. *Defense Primer: What Is Irregular Warfare?* // Congressional Research Service. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12565> (дата обращения: 06.01.2024).

12. *Desafíos para la Seguridad y Defensa Nacional de Colombia: Teoría y Praxis* / Ed. by J. Cubides, J. Jiménez. Bogotá: Escuela Superior de Guerra, 2017.

13. *Directiva Permanente* // Ministerio de Defensa Nacional. URL: https://www.mindefensa.gov.co/irj/go/km/docs/Mindefensa/Documentos/descargas/Prensa/Documentos/dir_15_2016.pdf (дата обращения: 06.01.2024).

14. *Dishman C.* Terrorism, Crime and Transformation // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2001. Vol. 24, N 1. P. 43—58. DOI: 10.1080/10576100118878

15. *Eduardo M.* Grupos Armados Organizados Residuales y Amenazas Transfronterizas en el Alto Putumayo // *Revista Seguridad y Poder Terrestre*. 2022. Vol. 1, N 2. P. 99—108.

16. El proyecto “Estado Mayor Central”: Un intento de unificación disidente // La Fundación Ideas para la Paz. URL: <https://ideaspaz.org/publicaciones/investigaciones-analisis/2023-10/el-proyecto-estado-mayor-central-un-intento-de-unificacion-disidente> (дата обращения: 08.01.2024).

17. ELN, disidencias de las Farc y AGC están tercerizando su accionar criminal a través de grupos delincuenciales para consolidar su dominio en Pelaya y La Gloria (Cesar) // Defensoría del Pueblo de Colombia. URL: <https://defensoria.gov.co/-/eln-disidencias-de-las-farc-y-agc-est%C3%AIn-tercerizando-su-accionar-criminal-a-trav%C3%A9s-de-grupos-delincuenciales-para-consolidar-su-dominio-en-pelaya-y-la-gloria-cesar-> (дата обращения: 08.01.2024).

18. Escenarios y desafíos de la seguridad multidimensional en Colombia / Ed. by C. Alvares. Bogotá: Escuela Superior de Guerra, 2017.
19. Gaitanistas — Gulf Clan // InSight Crime. URL: <https://insightcrime.org/colombia-organized-crime-news/urabenos-profile/> (дата обращения: 09.01.2024).
20. Grupos Armados Posdesmovilización (2006—2015). Trayectorias, rupturas y continuidades // Centro Nacional de Memoria Histórica. URL: https://www.centro-dememoriahistorica.gov.co/descargas/informes-accesibles/grupos-armados-posdesmovilizacion_accesible.pdf (дата обращения: 10.01.2024).
21. Guerra y violencias en Colombia, herramientas e interpretaciones / Ed. by J. Restrepo, D. Aponte. Bogotá: Universidad javeriana de Colombia — CERAC, 2009.
22. Homicidios en Colombia (2010—2023) // ArcGIS Online. URL: <https://www.arcgis.com/apps/dashboards/ce431fae7e974a9f809974c75a07ef4b> (дата обращения: 04.05.2024).
23. How is the Term “Armed Conflict” Defined in International Humanitarian Law? // International Committee of the Red Cross. URL: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/opinion-paper-armed-conflict.pdf> (дата обращения: 07.05.2024).
24. *Kleffner J.* The Legal Fog of an Illusion: Three Reflections on “Organization” and “Intensity” as Criteria for the Temporal Scope of the Law of Non-International Armed Conflict // *International Law Studies*. 2019. Vol. 95, N 1. P. 172—177.
25. Las BACRIM y su posición en el hampa de Colombia // InSight Crime. URL: <https://insightcrime.org/es/investigaciones/las-bacrim-y-su-posicion-en-el-hampa-de-colombia/> (дата обращения: 09.01.2024).
26. Los focos del conflicto en Colombia // Instituto de estudios para el desarrollo y la paz. URL: <https://indepaz.org.co/wp-content/uploads/2021/10/INFORME-DE-GRUPOS-2021.pdf> (дата обращения: 06.01.2024).
27. Modelo de Planeación y Gestión Operacional del Servicio de Policía // Policía Nacional de Colombia. URL: <https://policia.gov.co/contenido/modelo-planeacion-y-gestion-operacional-del-servicio-policia> (дата обращения: 06.01.2024).
28. Report on Terrorism / Ed. by G. Jervas. Stockholm: Swedish Defence Research Establishment, 1998.
29. Sentencia SU020/22 // Corte Constitucional de Colombia. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/Relatoria/2022/SU020-22.htm> (дата обращения: 08.01.2024).
30. Silenciando la verdad. Un diagnóstico de los patrones de violencia letal que afectan a los excombatientes de las FARC—EP en Colombia (2017—2020) // Instituto de estudios para el desarrollo y la paz. URL: https://www.indepaz.org.co/wp-content/uploads/2021/04/VF_Informe-Patrones_Respuesta-Auto-SAR-AT-184-2020_UIA_EIDORA_.pdf (дата обращения: 07.01.2024).
31. *Sullivan J.* Third Generation Street Gangs: Turf, Cartels, and Net Warriors // *Transnational Organized Crime*. 1997. Vol. 3, N 3. P. 95—108.
32. *Sullivan J.* A Crucible of Conflict Third Generation Gang Studies Revisited // *Journal of Gang Research*. 2012. Vol. 19, N 4. P. 1—20.
33. *Sullivan J.* Mexico’s Drug War: Cartels, Gangs, Sovereignty and the Network State. PhD thesis. Barcelona, 2013.
34. UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset Codebook. Version 19 // Uppsala Conflict Data Program. 2019. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/ucdpprio/ucdp-prio-acd-191.pdf> (дата обращения: 04.05.2024).
35. *Valencia L., Montoya C.* Las bandas criminales y el postconflicto // Pares, Fundación Paz y Reconciliación. URL: <https://pares.com.co/2016/02/24/las-Bandas-Criminales-Y-El-Postconflicto/> (дата обращения: 11.01.2024).

36. Vázquez J. RTC, más que crimen organizado, cárteles o narcotráfico // *Seguridad y Justicia*. 2021. N 111. el799.

REFERENCES

1. Dopolnitel'nyi protokol k Zhenevskim konventsiiam ot 12 avgusta 1949 g., ka-sayushchiysya zashchity zhertv nemezhdunarodnykh vooruzhennykh konfliktov (Pro-tokol II) [Additional Protocol to the Geneva Conventions of 12 August 1949, relating to the protection of victims of non-international armed conflicts (Protocol II)]. Inter-national Committee of the Red Cross. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (date of access: 07.05.2024). (In Russ.)

2. Strigunov K. S. Osobennosti sovremennykh neklassicheskikh voyn: Formy, me-tody, tekhnologii [Features of modern non-classical wars: forms, methods, technolo-gies]. PhD thesis. Moscow, 2023. (In Russ.)

3. 249 ex-Farc have been killed and more than 272 have reported threats. URL: <https://www.jep.gov.co/Sala-de-Prensa/Paginas/249-exFarc-han-sido-asesinados-y-m%C3%A1s-de-272-han-reportado-amenazas-.aspx> (date of access: 07.01.2024). (In Span.)

4. Final Agreement for the Termination of the Conflict and the Construction of a Stable and Lasting Peace. URL: https://www.jep.gov.co/Marco%20Normativo/Normativa_v2/01%20ACUERDOS/Texto-Nuevo-Acuerdo-Final.pdf?csf=1&e=0fpYA0 (date of access: 07.01.2024). (In Span.)

5. Historical analysis of drug trafficking in Colombia. URL: <https://www.museonacional.gov.co/imagenes/publicaciones/analisis-historico-del-narcotrafico-en-colombia.pdf> (date of access: 09.01.2024). (In Span.)

6. Bunker R., Sullivan J. Cartel Evolution: Potentials and Consequences. *Transnational Organized Crime*. 1998. Vol. 4, N 2. Pp. 5—74.

7. Bustamante A. Criminal insurgencies and urban warfare in Latin America: An approach to the regional urbanization process and its impact on the tactical and operational evolution of transnational criminal organizations. *Entretextos*. 2020. Vol. 12, N 35. Pp. 1—17. (In Span.)

8. Chengiz M. From Terrorist Organizations to Cocaine Groups in Colombia: Is ELN the Next? URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/terrorist-organiza-tions-cocaine-groups-colombia-eln-next> (date of access: 09.01.2024).

9. Miklaucic M., Brewer J. (eds.). *Convergence: Illicit networks and national security in the age of globalization*. Washington, D.C.: National Defense University Press, 2013.

10. Cortés D. Transnational Organized Crime: Mexican Drug Trafficking Organi-zations in Colombia. *Novum Jus*. 2020. Vol. 14, N 2. Pp. 123—146. (In Span.)

11. Defense Primer: What Is Irregular Warfare? URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12565> (date of access: 06.01.2024).

12. Cubides J., Jiménez J. (eds.). *Challenges for Colombia's National Security and Defense: Theory and Practice*. Bogotá: Escuela Superior de Guerra, 2017. (In Span.)

13. Permanent Directive. URL: https://www.mindefensa.gov.co/irj/go/km/docs/Mindefensa/Documentos/descargas/Prensa/Documentos/dir_15_2016.pdf (date of access: 06.01.2024). (In Span.)

14. Dishman C. Terrorism, Crime and Transformation. *Studies in Conflict and Terrorism*. 2001. Vol. 24, N 1. Pp. 43—58. DOI: 10.1080/10576100118878

15. Eduardo M. Residual Organized Armed Groups and Cross-Border Threats in Alto Putumayo. *Revista Seguridad y Poder Terrestre [Security and Land Power Journal]*. 2022. Vol. 1, N 2. P. 99—108. (In Span.)

16. The “Central Staff” project: an attempt at dissident unification. URL: <https://ideaspaz.org/publicaciones/investigaciones-analisis/2023-10/el-proyecto-estado-mayor-central-un-intento-de-unificacion-disidente> (date of access: 08.01.2024). (In Span.)

17. ELN, FARC dissidents and AGC are outsourcing their criminal activities through criminal groups to consolidate their dominance in Pelaya and La Gloria (Cesar). URL: <https://defensoria.gov.co/-/eln-disidencias-de-las-farc-y-agc-est%C3%A1n-tercerizando-su-accionar-criminal-a-trav%C3%A9s-de-grupos-delincuenciales-para-consolidar-su-dominio-en-pelaya-y-la-gloria-cesar> (date of access: 08.01.2024). (In Span.)

18. Alvarez C. (ed.). Scenarios and challenges of multidimensional security in Colombia. Bogotá: Escuela Superior de Guerra, 2017. (In Span.)

19. Gaitanistas — Gulf Clan. URL: <https://insightcrime.org/colombia-organized-crime-news/urabenos-profile/> (date of access: 09.01.2024). (In Span.)

20. Post-demobilization Armed Groups (2006—2015). Trajectories, ruptures and continuities. URL: https://www.centrodememoriahistorica.gov.co/descargas/informes-accesibles/grupos-armados-posdemovilizacion_accesible.pdf (date of access: 10.01.2024). (In Span.)

21. Restrepo J., Alonso T. (eds.). War and violence in Colombia, tools and interpretations. Bogota: Pontificia Universidad Javeriana — CERAC [Xavierian Pontifical University — CERAC], 2009. (In Span.)

22. Homicides in Colombia (2010—2023). URL: <https://www.arcgis.com/apps/dashboards/ce431fae7e974a9f809974c75a07ef4b> (date of access: 04.05.2024). (In Span.)

23. How is the Term “Armed Conflict” Defined in International Humanitarian Law? URL: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/opinion-paper-armed-conflict.pdf> (date of access: 07.05.2024).

24. Kleffner J. The Legal Fog of an Illusion: Three Reflections on “Organization” and “Intensity” as Criteria for the Temporal Scope of the Law of Non-International Armed Conflict. *International Law Studies*. 2019. Vol. 95, N 1. Pp. 172—177.

25. The BACRIM and its position in the Colombian underworld. URL: <https://insightcrime.org/es/investigaciones/las-bacrim-y-su-posicion-en-el-hampa-de-colombia/> (date of access: 09.01.2024). (In Span.)

26. The hotbeds of conflict in Colombia. URL: <https://indepaz.org.co/wp-content/uploads/2021/10/INFORME-DE-GRUPOS-2021.pdf> (date of access: 06.01.2024). (In Span.)

27. Police Service Operational Planning and Management Model. URL: <https://policia.gov.co/contenido/modelo-planeacion-y-gestion-operacional-del-servicio-policia> (date of access: 06.01.2024). (In Span.)

28. Jervas G. (ed.). Report on Terrorism. Stockholm: Swedish Defence Research Establishment, 1998.

29. Judgment SU020/22. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/Relatoria/2022/SU020-22.htm> (date of access: 08.01.2024). (In Span.)

30. Silencing the truth. A diagnosis of the patterns of lethal violence affecting former FARC-EP combatants in Colombia (2017—2020). URL: https://www.indepaz.org.co/wp-content/uploads/2021/04/VF_Informe-Patrones_Respuesta-Auto-SAR-AT-184-2020_UIA_EIDORA_.pdf (date of access: 07.01.2024). (In Span.)

31. Sullivan J. Third Generation Street Gangs: Turf, Cartels, and Net Warriors. *Transnational Organized Crime*. 1997. Vol. 3, N 3. Pp. 95—108.

32. Sullivan J. A Crucible of Conflict Third Generation Gang Studies Revisited. *Journal of Gang Research*. 2012. Vol. 19, N 4. Pp. 1—20.

33. Sullivan J. Mexico's Drug War: Cartels, Gangs, Sovereignty and the Network State. PhD thesis, Barcelona, 2013.

34. UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset Codebook. Version 19.1. Uppsala Conflict Data Program. 2019. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/ucdprio/ucdp-prio-acd-191.pdf> (date of access: 04.05.2024).

35. Valencia L., Montoya C. Criminal gangs and the post-conflict. URL: <https://pares.com.co/2016/02/24/las-bandas-criminales-y-el-postconflicto/> (date of access: 11.01.2024). (In Span.)

36. Vázquez J. TCN, more than organized crime, cartels or drug trafficking. Sequence: history and social sciences magazine. N 111, e1799. (In Span.)